

Николай ПЕРОВСКИЙ (1934 — 2007)

АППАССИОНАТА (баллада)

Он слышал в ней —
и птиц весенних трели,
и выстрелы сверхмощной батареи,
и что-то непонятное,
большое,
зовущее и к жизни
и на бой!
И он бежал к учительнице:
— Что это? —
А дома мать качала головой.
Он с неохотой ехал в дальний город —
сучал по матери,
далекому селу...
Потом профессора негромкий голос:
— У вас, мой мальчик, абсолютный слух.

И он спешил...
Он через месяц ровно
играть её профессору пошёл.
— О нет,
мой мальчик,
это не Бетховен.
Сыграйте-ка мне гамму «до-мажор».
А пальцы продолжали оступаться.
Профессор был спокоен и назойлив,
но он играл,
натруживая пальцы,
не замечая времени и боли!

Война...
Он видел сам,
как из-за леса
на город налетели самолёты
И как лежал недвижимый профессор,

бинтами,
точно саваном,
обмотан...
А рядом —
высеченный из гранита,
взрывною силой сброшенный Бетховен,
казалось,
небу знойному грозит он
своей могучей каменной рукою!

Привыкшие к нагрузке непомерной,
к работе изнурительной и нервной,
чувствительные руки пианиста
освоились с винтовкой очень быстро.
Но снился по ночам не раз солдату
на много тысяч мест концертный зал,
где он играет «Аппассионату»,
и он,
проснувшись,
вытирал глаза.
Он видел столько горя,
столько крови.
Россию и Европу он прошёл,
он немцев бил за немца,
за Бетховена,
как «бил» когда-то гамму «до-мажор».

Он не играл.
Он думал, что, наверно,
ему теперь и гамму не суметь.
Но вот в полуразбитом доме Вены
старинный отыскался инструмент.
Солдаты усмехались:
— Завалющийся!
— Не тронь его —
он сам «сыграет в ящик»! —
Хозяйка дома,

поклонившись низко,
«Сыграйте!» — попросила пианиста.
Он подошёл к роялю неуверенно,
подвинул — тоже старый — венский стул.
Солдаты так затихли, как, наверно,
не замирали даже на посту.
А пианист сидел прямой и бледный,
и руки,
огрубевшие в боях,
вдруг поднялись и с плавностью балетной
тихонько опустились на рояль...
Рояль запел...
Негромко,
старомодно...

И был таким просящим первый звук,
как будто жил рояль сто лет голодный
без этих огрубевших в битвах рук.
Не шелохнувшись,
слушали солдаты,
винтовки почему-то сняв с плеча,
а зал уже гремел «Аппассионатой»,
и мир уже Бетховеном звучал.

А за окном
вставало солнце мая,
и звуки уносились за окно,
и люди все друг друга понимали,
любили и стояли заодно!